рецензия
Нац. Театр Лилля
и Туркуэна
"Ля Метафор"

АКТЕРСКАЯ **БРАТИЯ**

И все-таки – мариводаж

Перед тем как идти на спектакль Даниэля Месгиша (Национальный театр Лилля и Туркуэна "Ля Метафор") "Еще один сюрприз любви", я перечитал эту, давно мною забытую комедию Мариво. Интересно, что же можно из нее извлечь, какой смысл, какое содержание — помимо чисто сюжетного, как мне показалось, не слишком увлекательного, оттого, возможно, и не привлекающего внимания наших режиссеров. Мне всегда немножко смешны упреки коллег по перу в адрес режиссерского цеха, я думаю, что режиссеры не столь уж малограмотны и догадываются, что, помимо Шекспира и Чехова, были (и есть) в мировой драматургии и иные имена. И ежели склонность к тому имеют, то ставят и Расина, и Эсхила, и даже Александра Петровича Сумарокова. А вот Мариво не ставят. Не хотят, ну что с ними поделаешь? Учишь их, учишь, лекции читаешь, просвещаешь — все попусту! Никогда не забуду реплики одной из коллег, произнесенной (с пафосом!) на обсуждении спектакля Г.Яновской "Иванов и другие": "Я привыкла, приходя в театр, чувствовать себя умнее режиссера, и вот только тут, наконец-то". Так она, видимо, стремилась укрепить в сознании режиссера, присутствовавшей на обсуждении, то, что "она за!".

Но вернемся к Мариво. Итак, не полюбив пьесу, я все же на протяжении всего спектакля честно старался заставить себя полюбить хотя бы его. И найти в нем то, чего в самом тексте мне так недоставало. И поначалу мне казалось, что в этом своем усердии я вполне имею шанс преуспеть: бешеный темп, неожиданность режиссерских придумок, яркость, изящество, темперамент актеров, ироничность, подчас достаточно фривольная, но вполне в духе "галантного" XVIII века, чьи нравы в действительности были не менее вольными, нежели века XX, — словом, все, казалось, склоняло к тому, что заданное самому себе задание я выполню.

Но увы! Спектакль двигался дальше, и режиссерская фантазия начинала казаться не столь уж буйной и изощренной (а точнее, одни и те же приемы повторялись, и в третий раз, и в пятый, и, кажется, в восьмой тоже, и прелесть новизны неизбежно исчезала). К тому же приемы эти и изначально были не более, чем приемами, игрой ради игры. И изящество актеров начинало производить впечатление сначала заученности, а потом и просто вымученности. А уж что касается иронии, то, как говорят в Одессе, второй раз хохма — уже не хохма. В спектакле не происходило (и так-таки не произошло) ничего! Это был, от начала до конца, тот самый "мариводаж", каковым не случайно современники Мариво определили стиль его комедий: блеск пустой болтовни, не более. Кстати, совсем недавно пришлось мне перечитать еще одну пьесу XVIII века "Так поступают в свете" Уильяма Конгрива. Тоже, казалось бы, "салонная комедия", да и возможности увидеть ее в театре у меня не было. Так что текст так и остался текстом. Но какой текст! Текст, в котором прочитывается и Шеридан, и уж, конечно же, Оскар Уайльд, и отголоски "Мизантропа", и предчувствие "Горя от ума".

Когда спектакль закончился, я, в ожидании, пока рассосется очередь за пальто, поднялся наверх покурить. Рядом оказался человек, которого я регулярно встречаю на разного рода премьерах и гастролях и с которым по привычке раскланиваюсь, не зная, кто это. Человек явно, что называется, "театральный". "Ну как вам?", — задал он ни к чему не обязывающий вопрос. — "Забавно, мило", — ответствовал я, также вполне "нейтрально". "Да, но как холодно", — произнес он, уже от души. И это была правда.

Я не знаю, что можно извлечь из этой пьесы — знаю, что в данном случае актеры просто разыграли текст, расцветив и разукрасив его. И все. Но этого, очевидно, все же мало. И мне вновь вспомнился спектакль конца прошлого сезона "Art", и признание его постановщика французского режиссера Патриса Кербрата в том, что московские актеры сыграли лучше, нежели их французские коллеги на премьере в Париже. Да, наверное, потому что им удалось в эту внешне холодно-рассудочную схему внести ту человеческую конкретность, что создается только душой актера. Только ею и ничем другим. И еще, наверное, именно поэтому с таким вниманием вслушиваемся мы в текст Беккета, когда его играет и ставит Алексей Левинский, или в текст Олби у Валерия Беляковича, или в текст Ионеско у Сергея Юрского. Тогда и только тогда, когда понимаем, что "театр абсурда" и в самом деле "вышел" из Чехова, что все это — не нагромождение бессмыслиц, но, тончайше прописанная и прорисованная, попытка людей пробиться друг к другу. Сквозь абсурд и бессмыслицу пробиться к смыслу. И никакими научными докладами не заменишь этого понимания, что рождается в театральном зале.

Но я как-то отвлекся от исходной точки, каковой являлся гастрольный спектакль по Мариво. А впрочем, может, — больше и не надо? Во всяком случае, у меня спектакль этот вызвал мысли и ассоциации, казалось бы, впрямую к нему касательства не имеющие. А что до самого спектакля — мариводаж, чистой воды мариводаж, и этим все сказано!

Юрий ФРИДШТЕЙН

Экран и сцена. – 1997 – 23–30 окт. – с. 6.